

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О «ПОЛИТИЧНОМ КАВАЛЕРЕ» И «ПОЛИТИЧНОЙ ДАМЕ В РОССИИ ПЕТРОВСКОГО ВРЕМЕНИ

Автор на ряде исторических, литературных и изобразительных источников петровской эпохи прослеживает формирование в России представлений о культурном человеке Нового времени, называемом тогда «политичным кавалером» или «политичной дамой». Дается оценка внешним и внутренним составляющим этого образа, приводятся примеры человека нового типа в реальной жизни, литературе и искусстве.

Ключевые слова: русская культура, европеизация, тип личности, образ

Термин «культура» не был известен в России начала XVIII в., но представления о новом типе личности, воплощающем идею секуляризованного культурного человека, интенсивно формировались под влиянием петровских преобразований. Вместе с проникновением западноевропейской культуры в Россию складывается представление о политичном государстве, в котором должны жить политичные же кавалеры и дамы. Понятие «политичность» наполнялось содержанием, позволяющим поставить его в один ряд с понятиями «культура» или «цивилизация». Для людей того времени политичность означала то же самое, что культура, а именно «обработанность» естественного (природного) человека (варвара) посредством развития разума («удобрения разума наукой», по словам современников¹) и занятий «художествами», литературой (в особенности, поэзией), искусством, музыкой. Учителя Славяно-греко-латинской академии пустили в оборот выражения: «политичное государство», «политичные обыкновения», «политичные обхождения», «политичный кавалер» и т.п., имея в виду именно такое понимание этого слова. Наиболее часто употреблял эти словосочетания учитель философии и префект Славяно-греко-латинской академии Иосиф Турбойский.

Имя Турбойского было широко известно, поскольку помимо преподавательской деятельности он писал и ставил пьесы для школьного театра, создавал триумфальные арки («врата»), устраиваемые по случаю побед в Северной войне. В «Преславном торжестве свободителя Ливонии», описывающем триумфальные врата 1704 г. в Москве, Иосиф писал о поставленной Петром I перед преподавателями Славяно-греко-латинской академии задаче – наставлять учащихся в «политичных обыкновениях», воспитывать «политичных кавалеров»: «не токмо в божественных писаниях, но и в мирских историях, и всяких политичных обыкновениях Российских юнош наставляти нам повелено есть»². Именно на

¹ Магницкий 1703. Л. 6 об.

² Преславное торжество свободителя Ливонии. 1704. Л. 4.

этих вратах была специальная живописная картина, изображавшая Петра I в образе, как говорилось в описании, «политичного кавалера» наряду с изображениями его в виде языческих богов и античных героев, а также библейских персонажей (Марс, Язон, Геркулес и др.). Причем в описании врат не пояснялось, как именно должен выглядеть политичный кавалер. Вероятно, потому не давалось пояснений, что публике это было уже понятно без каких-либо разъяснений. Тот же Иосиф Туробойский в другом своем сочинении, написанном совместно с Феофилактом Лопатинским и учителями Академии по случаю Полтавской победы (издано в 1709 г.), вводит словосочетание «политиколепный» (т.е. «политичный» и «лепый» – прекрасный), называя так свод поэтических приемов, используемых в панегириках Петру I, драматических произведениях, надписях под триумфальными картинами и т.п.: «Политиколепная апофеосис достохвальная храбрости всероссийского Геркулеса...»³.

Политичным обыкновениям, или, проще говоря, культуре поведения начали обучать не только в академиях, но и через издание переводной и оригинальной литературы. Так, в 1709 г. был сделан рукописный перевод собрания житейской мудрости французского кардинала Джулио Мазарини, озаглавленный так: «Краткая книжица политичных обходительных поступок». И хотя Мазарини писал более о коварстве, царящем в обществе, оборот «политичные обходительные поступки» говорит сам за себя. Русский переводчик сделал акцент на культуре поведения, в то время как Мазарини интересовали советы, как достичь своей цели.

Еще в конце XVII в. был сделан первый перевод с латыни книги испанского дипломата Диего де Сааведра Фахардо «Изображение христиано-политичного властелина», в 1710 г. повторенный по приказу царя Феофаном Прокоповичем. Примеры поведения политичных государей приводились в переводе Симона Кохановского 1721 г. с латинского языка «Увещения и приклады политическия» голландского филолога Юста Липсия. Известны и другие переводы, содержавшие описания политичных государств и их политичных граждан, самыми популярными – произведения Самуила Пуфендорфа («О должности человека и гражданина», 1726 г. и «Введение в историю европейскую», 1718 г.), Ф. Фенелона («Похождения Телемака» в переводе 1724 г. А.Ф. Хрущева, ходило до 1747 г. в рукописных списках), Эразма Роттердамского («Златая книжица о гожении нравов» в переводе 1718 г. И.Г. Паузе, пополнившая «Юности честное зерцало»), а также Х.Г. фон Бесселя («Политического счастья ковач»). То, что в русской культуре еще не существовало общепринятых правил светского поведения, а средневековые нормы устарели и были отвергнуты государем, безусловно, повлияло на перевод зарубежных сочинений такого рода. Потом появились и свои описания, содер-

³ Политиколепная апофеосис... 1709.

жавшие свод советов и правил «политичных обхождений». Политичный в значении «культурный» встречается и в русских произведениях петровского времени, представляющих разные жанры. Например, едва ли не на каждой странице заметок о путешествии по Италии Петра Андреевича Толстого. Примечательно, что он называет «политичными» не только итальянских кавалеров, но и дам, а также российских аристократов, подчеркивая тем самым их общеевропейский статус⁴.

Наконец, к концу правления Петра I русское государство приобретает устойчивую характеристику государства «политичного». Об этом пишет в 1717 г. Петр Шафиров в «Рассуждении, какие законные его царское величество Петр I против короля Карла XII шведского 1700 году имел, и кто из сих обоих потентатов, во время сей пребывающей войны, более умеренности и склонности к примирению показывал, и кто в продолжении оной столь великим разлитием крови христианской и разорением многих земель виновен; и с которой воюющей страны та война по правилам христианских *и политичных народов* [курсив мой. – Л. Ч.] более ведена. Все без пристрастия, фундаментально, из древних и новых актов и трактатов, тако ж из записок о воинских операциях описано, с надлежащею умеренностию и истиною». Он указывал, что всего несколько десятков лет назад «о Российском народе и государстве тако в других европейских государствах рассуждали и писали, как о Индийских и Персидских и других народах, которые с Европою кроме некоторого купечества никакого сообщества не имеют, тако и об оном... никакой рефлексии и рассуждения не имели: но оной и в числе Европейских народов мало причитали...». После завоеваний и преобразований Петра Россия, наконец, заняла подобающее ей место в Европе: «ныне никакое дело ниже во отдаленных краях Европейских не чинится, к которому б или и его царского величества приязни и союзе не старались...»⁵. Феофан Прокопович именует страну «Европской Россией», а автор «Повести о матросе Василии Кориотском...» – «Российской Европией».

22 октября 1721 г. Сенат констатировал, что благодаря Петру Великому Россия влилась в число культурных стран, причем выражалась эта мысль в привычной уже формуле политичности: «Мы, ваши верные подданные, из тьмы неведения на феатр славы всего света, и тако реши, из небытия в бытие произведены и во общество *политичных народов* [курсив мой – Л. Ч.] присовокуплены»⁶. Политичные народы – то есть народы культурные, и это присовокупление Сенат объявляет более чем достаточным основанием для поднесения Петру Алексеевичу титула императора всероссийского и наименований «Великого» и «Отца Отечества».

⁴ См.: Путешествие стольника П.А. Толстого по Европе 1697–1699. М., 1992.

⁵ Шафиров 1717. Л. 3.

⁶ Речь, какова... его императорскому величеству... 1721.

Дискурсивные практики того времени показывают, каким образом шло формирование в русской культуре образа «политичного кавалера» как представителя нового типа личности, в котором образованность, знание «наук и художеств» и иностранных языков занимает первое и главное место. Большая роль в воспитании таких кавалеров принадлежала школе Глюка-Паузе. Уже в 1700 г. в Москве пленный мариенбургский пастор Глюк основал школу для политических кавалеров, коих он хотел «лепить» как из глины («аки мягкую и всякому изображению угодную глину»). Юношей учили географии, политике, латинской риторике с ораторскими упражнениями, философии картезианской, иностранным языкам (греческому, еврейскому, сирскому и халдейскому, французскому, немецкому и латинскому), а также танцевальному искусству, «поступи немецких и французских учтивств», «рыцарской конной езде и берейторскому обучению лошадей». Глюк приготовил для своей школы перевод на русский язык «Катехизиса» Лютера, молитвенник, немецкую грамматику, русско-немецко-латинско-французский словарь. Пастор умер в 1705 г., и его школа перешла в ведение Иоанна Вернера Паузе, особого значения она не приобрела, но свою задачу по воспитанию политических кавалеров из иностранцев выполняла исправно⁷.

Для приобщения русского юношества к культуре-политичности было издано «Юности честное зеркало, или Показание к житейскому обхождению, собранное от разных авторов» (1717). Составители и редакторы сего труда неизвестны, предположительно ими были писатель и проповедник Гавриил Бужинский (епископ Рязанский и Муромский) и известный ученый, сподвижник царя Яков Вилимович Брюс. Издание предваряли азбука, таблицы слогов, цифр и чисел в соответствии с новым гражданским шрифтом 1708 г. и арабским цифровым обозначением. Во второй части «Зеркала» содержались наставления юношам, а затем девушкам дворянского происхождения. В основу этикетных политических правил лег трактат Эразма Роттердамского «О воспитании нравов детских», перевод которого был выполнен И.В. Паузе, дополненный главами из разных западноевропейских пособий по этикету и, возможно, личными указаниями царя. «Зерцало» по сути повторяло рекомендации школы Глюка – Паузе по обучению юношей нескольким иностранным языкам, верховой езде, фехтованию и танцам. Девушкам вместо «наук» полагалось осваивать почтение к родителям, трудолюбие, покорность и смирение с потупленным взором... Книга понравилась публике, ее трижды издавали в 1717 г. и еще раз в 1719 г. (до конца XIX в. она переиздавалась в России многократно).

Начальный постулат для юношей и для девушек звучал так: «В первых наипаче всего должны дети отца и матери в великой чести содер-

⁷ Пекарский 1862. С. 126-131.

жать. И когда от родителей что им приказано бывает, всегда шляпу в руках держать...». Отношения с другими людьми, особенно с «духовными» должны были выстраиваться «благочинно, учтиво и вежливо». Далее перечислялось в основном то, что «неприлично» и чего делать нельзя: «Неприлично... руками, или ногами, по столу везде колобродить, но смирно ести. А вилками и ножиком по торелкам, по скатерти, или по блюду не чертить...»; «Сам себя много не хвали, но и не ругай очень сильно, не стыди»; о врагах и умерших никакого зла не говори, «празден и без дела отнюдь не бывай», а будь всегда «смирнен, приветлив и учтив, ибо гордость мало добра содевает», «не слушай льстецов», не будь «пересмешлив или дурацким шутка заобычаен», «не смотри верхоглядом, надев шляпу, якобы приковану на главе имея» и т.п. Много советов содержалось по изучению иностранных языков: «Младья отроки должны всегда между собою говорить иностранными языки, дабы тем навыкнуть могли: а особливо когда им что тайное говорить случится, чтоб слуги и служанки дознаться не могли, и чтоб можно их от других не знающих болванов распознать...». Попадают среди правил и основанные на народной мудрости – пословицах и поговорках: например, на свадьбы и на балы отроку незваному ходить не следует, потому что «...Кто ходит не зван, тот не отходит не дран...». Есть ряд указаний по обхождению с женским полом (не надевать сапоги и остроги на свадьбу, «для того что тем одежду дерут у женского полу и великий звон причиняют острогами»), по поведению со слугами (не потакать, держать в страхе, дважды одной вины не прощать, мятежников удалять, не разрешать огрызаться). Ряд пунктов содержал правила гигиены и поведения за столом (не плевать на пол, не чистить нос при людях, не чихать на соседей, «не жри как свиния», «зубов ножом не чисти», «около своей тарелки не делай забора из костей», «не проглоти куска не говори» и т.д.). Изложенные правила должны были сформировать «осторожного и высокоумного... прямого благочестного кавалера», высшим достижением которого считалось попасть в ряды придворных: «Младья шляхтич, или дворянин, ежели в езерции своей совершен, а наипаче в языках, в конной езде, танцовании, в шпажной битве, и может доброй розговор учинить, к тому ж красноглазлив и в книгах научен, оный может с такими досуги, прямым придворным человеком быть».

Что касается девиц, то им вменялось прежде всего иметь «страх Божий», а также другие «добродетели», коих насчитывалось ровно двадцать: трудолюбие, благочиние, приветливость, милосердие, чистота телесная, стыдливость, воздержание, целомудрие, бережливость, щедрота, правосердие, молчаливость и т.п. Их «наука» сводилась к посещению церкви, обучению письму и чтению, изучению притч Святого Писания и молитв. Они должны были избегать «злочинства и всякой злой прелести, нечистаго обычая и поступков, скверных слов, легкомысленных и

прелестных одежд, блудных писм, блудных песней, скверных басней, сказок, песней, истории, загадок, глупых пословиц и ругательных забав и издевок, ибо сие есть мерзость пред Богом». Подборка изречений античных философов и средневековых церковных писателей была посвящена темам «девического целомудрия» и «девического смирения». Тут приводились и слова Диогена о том, что «украснение [от стыдливости] есть признак к благочестию», и примеры из Библии, и слова Лютера («человеку не может быть ничто приятнее и угоднее как благочинная девица»); изречения греческих стихотворцев и Овидия перемежались с мыслями Иоанна Златоуста, Блаженного Августина, святого Иеронима и др. Всем своим видом девица должна была демонстрировать смирение: «...только в простом одеянии ходить, и главу наклонять, и наружными поступками смиренна себе являть, сладкия слова испущать, сего еще гораздо не довольно, но имеет сердце человеческое Бога знать, любить и бояться... и ближняго своего болши себя почитать...». Концовка «Зеркала» была в том же духе: «Бог возвышает смиренных, и помогает печальным. о нем всяк возрадоваться может»⁸. Бросается в глаза резкое различие в представлениях о воспитании «политичного кавалера» и «политичной дамы», при этом сравнительный анализ показывает низкий уровень требований к образованности женщин.

Тем не менее, «политичные дамы» также начали появляться в русском обществе. Одно из самых первых явлений русских женщин в обществе мужчин отметил в середине февраля 1699 г. И.Г. Корб, сделавший вывод о «смягчении нравов в русском обществе»: «...до сего времени женщины никогда не находились в одном обществе с мужчинами и не принимали участия в их увеселениях, сегодня же некоторые не только были на обеде, но также присутствовали при танцах»⁹. Правда, речь о «политичной даме» зашла значительно позднее, так как русским женщинам пришлось долго привыкать к своему новому положению в обществе, к европейскому платью и поведению. Они не стремились поскорее переодеться во все европейское, да и переодевшись, не умели носить европейское платье. Но самым отталкивающим в глазах иностранцев была продолжающаяся традиция чернить зубы. Х.Ф. Вебер записал, что на балу у царевны Натальи Алексеевны летом 1714 г. были почти все красавицы Петербурга, и «...хотя тогда уже все носили французские платья, но многие не умели в них хорошо держать себя, а своими черными зубами достаточно доказывали, что они не совсем отстали от устарелого русского мнения, будто бы только у мавров и обезьян белые зубы»¹⁰. К концу петровского правления Берхгольц насчитал около

⁸ Юности честное зерцало. СПб., 1717. Л. 1-16.

⁹ Дневник путешествия в Московское государство... С. 129.

¹⁰ Записки Х. Вебера. 1872. Вып.6. Стб. 1086.

тридцати молодых русских красавиц, из которых «...многие мало уступали нашим дамам в приветливости, хороших манерах и красоте»¹¹. Но «политичность» русских женщин виделась порой только в чисто внешнем их преображении в европейского вида дам с хорошими манерами и умением танцевать. Их внутреннее преобразование в образованных, развитых, владеющих иностранными языками и воспитанных в европейском духе началось уже в послепетровское время, но и в петровскую эпоху встречались политичные дамы «внутреннего» типа. Иностранные наблюдатели чаще всего называют княгиню Марию Юрьевну Черкасскую, дочь сенатора кн. Ю.Ю. Трубецкого, которая считалась первой красавицей при дворе в 1724 г., а также умела свободно держаться в обществе, исполнять романсы и играть на музыкальных инструментах.

Политичные кавалеры, помимо образованности, должны были, по замыслу Петра, быть храбрыми и умелыми воинами и моряками, наездниками, уметь сражаться, владеть шпагой, и одновременно – владеть иностранными языками и «наукой любви», уметь сочинять и исполнять романсы, поэтически выражать свои чувства к прекрасной даме. Образцом «сына Отечества» в глазах подрастающего поколения дворянства должен был стать гвардейский офицер или капитан корабля, но в то же время политичный кавалер, предлагаемый как общественной мыслью и литературой, так и самим Петром Великим. Под политичным кавалером подразумевался, как уже отмечалось, «окультуренный» человек, внешне и внутренне обработанный по западноевропейским стандартам цивилизованного гражданина, с одной стороны, и некоего сказочного рыцаря, с другой. Первых политичных кавалеров мы найдем еще в конце XVII в. Среди них иностранцы отмечали нескольких: Василий Васильевич Голицын, его двоюродный брат Борис Алексеевич Голицын, Борис Петрович Шереметев, Борис Иванович Куракин, Андрей Артамонович Матвеев. Они владели иностранными языками (Голицыны свободно общались на латыни), завели в своих домах европейскую обстановку (библиотеки, картины, зеркала, шпалеры, кровати вместо лавок и пр.), заказывали оркестры инструментальной музыки, которые должны были выступать на их домашних приемах гостей, нанимали учителей-иностранцев (в основном, поляков, для обучения своих детей латыни, польскому и другим языкам), одевались и вели себя как иностранцы (жена Андрея Матвеева поражала иноземцев тем, что единственная из русских женщин не пудрила свое лицо и не красила щеки и глаза).

К концу петровской эпохи литературным воплощением политичного кавалера стали герои «петровских повестей»: матрос Василий из «Повести о Василии Кориотском», безымянный шляхетский сын из «Повести о шляхетском сыне» и др. Все они едут по доброй воле в Ев-

¹¹ Берхгольц Ф.В. Дневник камер-юнкера Ф.В. Берхгольца. Ч. 1. С. 137.

ропу за «наукой» (военной, морской, иностранных языков и пр.). Благодаря своим успехам в науках матрос Василий добывается богатства, спасает от разбойников «флоренскую королеву» Ираклию и женится на ней. Бедный шляхетский сын исключительно своим умом и образованностью внушает любовь английской королевне и становится ее мужем.

В живописи ряд портретов, начиная с Петра I, отражал представления о политичном кавалере и политической даме. Первые опыты отражения человека нового типа тяготели скорее к внешнему варианту, показывающему социальный статус портретируемого, европейский костюм и антураж. Однако не только иностранные художники, но и русские, в частности, И. Никитин и А. Матвеев, прославились глубоко психологичными произведениями, на которых мы видим по-европейски образованных «политичных кавалеров» с чувством собственного достоинства. К разряду «внешних» я бы отнесла портрет кисти И. Никитина канцлера Г.И. Головкина (1720-е гг.), а к разряду «внутреннего» политичного кавалера – его же «Портрет Напольного гетмана» (1720-е). В образе молодого щеголеватого С.Г. Строганова (1726) Иван Никитин сумел соединить внешние и внутренние черты образованного россиянина своего времени. Но самым ярким воплощением образа человека нового типа можно считать известный «Автопортрет Андрея Матвеева с женой», где внешние атрибуты «политичности» кавалера и дамы почти не заметны, зато проступает мощная внутренняя энергетика представителей «Российской Европии», красота души, доброта, ум и воля. К сожалению, образ политичного кавалера к середине XVIII в. эволюционировал и в литературе, и в жизни в сторону усиления чисто внешнего лоска. И если в петровское время этот образ воплощали вслед за императором придворные, дипломаты, гвардейские и морские офицеры, ученые и ученики Славяно-греко-латинской академии, то к середине века политичность, окончательно переросшая в политес, была представлена ухажерами и дамскими угодниками, «щеголями» и «щеголихами», преуспевающими более всех наук в «науке любви». Эти изменения отразил в литературе герой «Повести о кавалере Александре», уехавший в Европу для изучения военного дела, но преуспевший лишь в любовных похождениях.

В представлениях первой четверти XVIII в. о политичном кавалере можно проследить следующие черты. Во-первых, он начинает служить не только государю, но и государству, вкладывая в это понятие и свое толкование «гражданства», и идею «общего блага»/«общей всенародной пользы», и «служение Отечеству». Во-вторых, новое отношение к службе сопровождается и новыми потребностями, в частности, в образовании, что делает круг политичных кавалеров гораздо более обширным и светским по содержанию и общей направленности, а это, в свою очередь, ведет к нововременному самосознанию и оценке личности. Русские люди и иностранцы на русской службе в эпоху Петра I дают нам

прекрасные образцы человека нового типа – образованного, начитанного, увлекающегося не только своим непосредственным делом, но и искусством, «наукой и художествами», ценителя древностей и раритетов, садового искусства и музыки и т.д. Образы политических кавалеров и дам – феномен петровской эпохи, отраженный в литературе и в портретной живописи. Конечно, субъективное влияние Петра Великого на появление этого образа не исчерпывает всех причин, приведших к столь широкому распространению политичности и в общественной мысли, и в литературе, и в искусстве. Были и объективные причины появления этих образов в России начала XVIII столетия, связанные прежде всего с переходом русской культуры от Средневековья к Новому времени, открытием личности в человеке, европеизацией русской культуры.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Берхгольц Ф.В. Дневник камер-юнкера Ф.В. Берхгольца / Пер. с нем. И.Ф. Аммона. М., 1902–1904 [Berhholz F.V. Dnevnik kamer-iunkera F.V. Berhgolza. M., 1902–1904]
- Дневник путешествия в Московское государство Игнатия Христофора Гвариента... в 1698 г., веденный секретарем посольства Иоганном Георгом Корбом // Рождение империи. М., 1997 [Korb I.G. Dnevnik puteschestvia v Moskovskoe gosudarstvo Ignatia Hristofora Gvarienta... v 1698 g. // Rozhdenie imperii. M., 1997]
- Записки Х. Вебера. Пер. П.П. Барсова // Русский архив. 1872. Вып.6. [Zapiski H.Vebera. Per. P.P. Barsova// Russkiy arhiv. 1872. Vip. 6]
- Леонтий Магницкий. Арифметика. М., 1703 [Leontiy Magnitskiy. Arifmetika. M., 1703]
- Пекарский П.П. Наука и литература при Петре Великом. Т.1. СПб., 1862. [Pekarskiy P.P. Nauka i literature pri Petre Velikom. T. 1. SPb., 1862]
- Преславное торжество свободителя Ливонии. М., 1704. [Preslavnoe torzchestvo svobodite-lia Livonii. M., 1704].
- Политиколепная апофеосис достохвальныя храбрости всероссийского Геркулеса. М., 1709 [Politikolepnaya apofheosis dostohvalniya hrabrosti vserossiyskogo Gerkulesa. M., 1709].
- Путешествие стольника П.А. Толстого по Европе 1697–1699. М., 1992 [Puteschestvie stolnika P.A. Tolstogo po Evrope 1697–1699. M., 1992]
- Речь, какова... его императорскому величеству... от господина канцлера графа Головки-на говорена 22 в день октября 1721 году. СПб., 1721 [Rech, kakova... ego impera-torskomu velichestvu... ot gospodina kanzlera grafa Golovkina... SPb., 1721]
- Шафиров П. Рассуждение, какие законные причины... его царское величество к начатию войны... имел. СПб., 1717 [Schafirov P. Rassuzhdenie, kakie zakonnye prichiny. SPb., 1717].
- Юности честное зерцало. СПб., 1717. [Iunosti chestnoe zerkalo. SPb., 1717].
- Черная Людмила Алексеевна, доктор исторических наук, профессор Московского государственного академического художественного института им. В.И. Сурикова при Российской академии художеств. tchernie@rambler.ru**

Ideas about the “political cavalier” and “political dame” in the Russian culture of Peter the Great time

The author analyses a number of historical, literary and visual sources of Peter the Great's epoch and traces representations of a cultural person of Modern times, named as “political cavalier” and “political dame”. The evaluation of external and internal components of this image is given, together with examples of a new type of person in real life, literature and art.

Keywords: Europeanization of Russian culture, personality, image

Ludmila Chernaya, Dr. Sc. (History), Professor, Faculty of Theory and History of Art, the Moscow state academic artistic institute named after V.I. Surikov, Russian Academy of Art, tchernie@rambler.ru